

ВСЕВОЛОД ЛАДОВ

Формальный реализм¹

Вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов

«Этот вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов: можем ли мы (Дьюи и Дэвидсон подчеркивают, что не можем) отличить тот вклад, который вносит мир в процесс формирования суждения, от нашего собственного вклада» [1: 295]. Вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов в одном из популярных телешоу США середины 1950-х был самым сложным. Ответ на него сулил игроку очень крупный по тем временам для среднего американца денежный выигрыш. С подачи Р.Рорти мы можем представить своеобразную эпистемологическую викторину с определенным набором вопросов, оцененных по степени сложности, где наиболее принципиальным, важным и сложным будет вопрос о том, зависят ли наши суждения, и соответственно их истинность, от некоторого объективного положения дел или нет.

Мы разделяем мнение Р.Рорти. Данный вопрос по-прежнему является одним из ведущих в новейшей философии. Именно в ответах на него определяются позиции реализма и антиреализма, противостояние между которыми выглядит наиболее принципиальным в современных философских дискуссиях.

В одной из своих работ М. Даммит дает следующее формальное определение реализма: «Сущность реализма в этом: для любого высказывания, которое имеет определенный смысл, должно быть что-то, посредством чего либо оно, либо его отрицание является истинным» [2: 175]. Очевидно, что в основании такого определения находится объективистская онтоэпистемологическая установка и корреспондентное понимание истины. Предложение языка истинно тогда, когда в реальности существует то (некоторый факт), о чем говорится в этом предложении

¹ Представленное в статье исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ (НШ – 5887.2008.6) и гранта РФФИ (08-06-00 022-а).

как о существующем. Соответственно, позицию антиреализма можно сформулировать как прямо противоположную: нет никакого объективного факта, посредством которого предложение языка оценивается как истинное или ложное; предложение считается истинным в силу действия иных причин, например, за счет лингвистической конвенции, когерентной согласованности предложения всей системе знания, прагматической установки на полезность информации, содержащейся в предложении, для нужд практической жизни и т. д.

Несмотря на то что антиреализм стал визитной карточкой всей современной философии, как континентальной, так и аналитической, в данном теоретическом построении обнаруживаются существенные затруднения логического и эпистемологического характера, разрешить которые в рамках самой позиции антиреализма нельзя. По этой причине автор статьи защищает реалистские воззрения, утверждая, что реализм есть единственно возможная непротиворечивая онтоэпистемологическая позиция. В статье обсуждаются основные положения так называемого формального реализма — концепции, которая должна, по мысли автора, стать фундаментом любых последовательных построений в онтологии и эпистемологии.

Мозги в бочке

Х. Патнэм, как кажется, должен был испытывать смятение по поводу крайне полярных тезисов, выдвигаемых им в процессе развития своей мысли. С одной стороны, разрабатывая эпистемологические следствия теоремы Левенгейма — Сколема, Х. Патнэм сформулировал положение о радикальной неопределенности референции, которое по масштабности скептицизма в отношении всех возможных сфер познания вполне сравнимо с наиболее радикальными формами антиреализма в современной философии. С другой стороны, именно Патнэм, как никто другой, с особой остротой ощущал общетеоретическую несостоятельность скептицизма, ведущего к глобальному релятивизму и антиреализму в вопросах истины, объективности и необходимого знания. Именно Патнэм в своей известной работе *«Разум, истина и история»* [3] формулирует наиболее развернутые и продуманные антирелятивистские аргументы в поздней аналитической философии. Из-за этого, как справедливо отмечает Л. Б. Макеева, его позиция выглядит двусмысленной: «Противопоставляя свою концепцию метафизическому реализму, Патнэм так формулирует ее основные положения, что они говорят в пользу понимания им истины как некоторого вида когерентности наших представлений друг с другом. Однако, стремясь избежать обвинения в релятивизме, он, по существу, вносит такие уточнения и дополнения, которые свидетельствуют об отказе понимать истину как простую когерентность и означают внесение определенных объективных компонентов в ее трактовку. Это, безусловно, является серьезным недостатком концепции истины Патнэма» [4: 132–133]. Вместе

с тем на основе как раз этой эпистемологической напряженности и рождается новая онтологическая программа Патнэма, известная как внутренний реализм, в которой автор попытался выбрать срединный путь между противостоящими позициями реализма и антиреализма.

Мы не будем касаться вопроса о том, в чем именно состояла новая идея Патнэма. Нас в большей мере интересует критическая часть его работы, а именно аргументы против релятивизма, которые мы хотели бы использовать в качестве обоснования несостоятельности антиреалистской позиции в общем виде.

Один из таких аргументов представлен в экстравагантном мысленном эксперименте под названием «мозги в бочке» [3: 14–37]. Мы можем представить себе мозг, который генерирует мыслительную деятельность, будучи помещенным в особый питательный раствор для поддержания его жизнедеятельности. Какая-либо связь с внешним миром у этого существа, будь то посредством чувственности или каких-либо других источников, по определению, отсутствует. Все данные, с которыми имеет дело мышление, возникшее в таком мозге, получены не из реальности, не от существующих объектов. Они представляют собой внутренние ментальные образы, за которыми стоят не объекты, а лишь определенная последовательность электрических сигналов, посылаемых в мозг при помощи подключенных к нему электродов, создающих иллюзию внешнего воздействия. Если развить мысль Патнэма далее и предположить, что такое существо обладало бы внутренней речью и было бы способно на продуцирование монологических высказываний, то мы могли бы сказать, что специфика языковой деятельности такого субъекта состояла бы в том, что в ней, по определению, наложен запрет на осуществление каких-либо референциальных отношений. Предложения языка этого существа в принципе не могли бы отсылать к каким-либо реальным референтам, их значения бы полностью ограничивались лишь внутренними ментальными образами, возникающими посредством воздействия электродов.

Спрашивается, могло ли бы такое существо понять, что оно — мозги в бочке? Или, если сразу переводить исследование в привычное для аналитической философии лингвистическое русло, мы могли бы поставить вопрос так: способно ли такое существо высказать предложение «Мы — мозги в бочке»? Следуя мысли Патнэма, мы должны дать отрицательный ответ на этот вопрос. Поскольку мозги в бочке, по определению, не могут сформулировать предложение с реальным референтом, постольку они никогда не смогут высказаться о том, что на деле имеет место, а именно, что они — мозги в бочке. Если же предложение «Мы — мозги в бочке» все же вдруг случайно встретится во внутренней речи данного существа, то, поскольку референциальные связи в его языке отсутствуют, оно не будет означать, что существуют мозги в бочке, оно не будет указывать на этот факт реальности. Предложение «Мы — мозги в бочке» не говорит о том, что мы — мозги в бочке.

Патнэм сравнивает эту ситуацию с еще одним воображаемым случаем. Допустим, мы видим, как муравей, ползая по песку, оставляет на нем такой след, который идентичен карикатурному изображению Уинстона Черчилля. Можем ли мы сказать, что муравей изображает Черчилля, что Черчилль является референтом тех начертаний, которые муравей оставил на песке? Очевидно, нет. Муравей не продуцирует референциального отношения. У той картинки, которую он случайным образом нарисовал на песке, нет никакого референта. Подобное происходит и с предложением «Мы — мозги в бочке», которое сформулировано во внутренней речи мозгами в бочке.

Несмотря на столь экстравагантную форму, которая, наверно, многих может отпугнуть излишней натуралистичностью, очевидно, что данный аргумент может быть применен в качестве критики любого антиреалистского проекта. Если, как считает антиреалист, истина есть лишь культурная конвенция того или иного вида, то либо этот философ вообще не сможет высказать предложение «Истина есть культурная конвенция», либо, если он все же высказывает его, такое предложение — «Истина есть культурная конвенция» — не будет указывать на то, что истина есть культурная конвенция. Такое предложение не будет указывать даже на то, что имеется определенная культурная конвенция, в соответствии с которой истина понимается как культурная конвенция. Ибо если бы предложение указывало на такую конвенцию, то она сама бы уже представляла в качестве некоторого реального референта.

Предложение «Истина есть культурная конвенция» представляет собой одну из тех «ловушек языка», обнаружить которые всегда пытался философ-аналитик, следуя своей методологии. Создается впечатление, что данное предложение о чем-то говорит. Кажется, что то, о чем оно говорит, настолько весомо, что мы готовы даже поместить это предложение в основание наших онтоэпистемологических представлений. Но на деле за этими знаками на бумаге, которые выводит последовательный антиреалист, записывая: «Истина есть культурная конвенция», — ничего не стоит. Язык антиреалиста становится мнимым, превращается в квазиязык, который не говорит ни о чем.

Если принять в качестве допущения, что субъект познания в своей рациональной деятельности не способен высказывать предложения о фактах реальности, то он никогда не сможет построить с помощью предложений своего языка такую теорию, которая будет говорить о том, что субъект познания в своей рациональной деятельности не способен высказывать предложения о фактах реальности. Если бы антиреализм был прав, то мы никогда не смогли бы сформулировать позицию антиреализма. Если же, как мы видим, такая позиция все же имеет место быть, это означает либо то, что высказывание антиреалиста не говорит о том, о чем оно должно говорить, либо, что (и скорее всего, происходит именно это) антиреалист оказывается непоследовательным, он опровергает свое собственное основание и высказывает

самый что ни на есть реалистский тезис. Поэтому на заявления антиреалиста Рорти, подобные следующему: «Такие философы [реалисты. — В.Л.] разделяют образ человеческих существ, как машин, сконструированных (Богом или Эволюцией), среди прочих, для того, чтобы видеть вещи правильно. Прагматисты хотят освободить нашу культуру от такого самовосприятия...» [1: 292], — Патнэм совершенно справедливо замечает: «...я думаю, что, несмотря на все внешнее оформление, в рассуждениях Рорти сохраняется попытка сказать, что с точки зрения Божественного Видения его (Божественного Видения) не существует» [5: 490]. Прагматисты хотят освободить нашу культуру от неверного воззрения на сущность человека. Они хотят показать нам, как правильно понимать человека, как увидеть его таким, каков он есть на самом деле.

Контраргументы антиреалистов и их опровержение

Мы привели аргументы, призванные показать логическую и эпистемологическую несостоятельность общей позиции антиреализма. Далее воспроизведем те соображения, которые либо обычно уже выступали, либо могли бы выступить в качестве контраргументов к данной критике. Естественно, мы попытаемся усомниться в состоятельности и этих контрмер.

Например, в отношении Витгенштейна, многие интерпретаторы обращают внимание на особый афористичный стиль, в котором написаны «*Философские исследования*». Предполагают, что автор избрал данную форму изложения неслучайно. Она призвана подчеркнуть, что в данном тексте Витгенштейн не стремится к созданию какой-либо новой теории, к формулировке каких-то общих положений относительно рассматриваемого предмета — значения языкового выражения. В подтверждение приводятся соответствующие пассажи «*Философских исследований*», например §43: «Для *большого* числа случаев — хотя не для всех, — в которых мы используем слово „значение“, его можно определить так: значение слова — это его употребление в языке» [6: 99].

Однако соображение, высказанное в §43 «*Философских исследований*», никак не согласуется с другими положениями, которые, собственно, и принесли славу учению позднего Витгенштейна. Скажем, центральный для темы следования правилу §201 содержит утверждение именно универсалистского характера: «...ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом...» [6: 163]. Если бы мы сохранили классический взгляд на функционирование языка, то пришли бы к парадоксальному утверждению, что ни одно конкретное употребление слова не могло бы определяться значением, содержащим в себе правило его употребления. «Ни одно» — разве это выражение естественного языка не подразумевает применение квантора всеобщности в данной предикации: $\neg \forall x P(x)$, где x — употребление слова, P — быть определенным значением, содержащим в себе правило? То же можно

сказать относительно высказывания из §16 сборника «Zettel»: «Ошибочно говорить, что есть что-то, что представляет собой значение...» [7: 3]. Должны ли мы сомневаться в том, что Витгенштейн имеет здесь намерение сказать что-то о значении языкового выражения в целом? Если воззрения Витгенштейна не касаются всего языка, не касаются сущности значения какого бы то ни было языкового выражения, если они иногда истинны, а иногда ложны, то в чем состоит их теоретическая ценность? М. Даммит подчеркивает этот момент: «Я не мог бы отнестись с тем уважением к его работе, которое я имею, если бы я не рассматривал его аргументы и прозрения как основанные на истинности его убеждения» [8: xi]. Если же они все-таки претендуют на то, чтобы отдать отчет о формировании значения, о принципе функционирования языка в целом, если они расценивают классический августинианский образ языка как полностью не соответствующий реальным речевым практикам и вводят вместо него новое представление о том, как работает язык, то они подпадают под те критические аргументы, которые мы зафиксировали выше.

Еще одной достаточно распространенной попыткой обойти логические затруднения, связанные с формулировкой позиции антиреализма, является простое их игнорирование. Для примера можно привести попытку У. Джеймса ответить на обвинения в том, что его прагматизм является логически противоречивым. Доводы Джеймса носят явный алогический характер и в этом смысле являются показательными для многих современных антиреалистских теорий, которые вообще не желают сразиться с соперником, что называется, на одном поле, одним оружием. Они не пытаются найти логически внятный ответ на предъявленные критические замечания, а говорят, скорее, о несостоятельности самого рационалистического дискурса.

Вот как Джеймс формулирует сам аргумент и ответ на него: «Один мой корреспондент высказал данный упрек [в логической несостоятельности прагматизма. — В. Л.] следующим образом: «Когда, обращаясь к своей аудитории, вы говорите: „Прагматизм есть истина обо всем, что касается истины“, — то слово «истина» употребляется вами в двух различных значениях. По поводу первого ни у вас, ни у ваших читателей вопросов не возникает; вы не предоставляете им свободу принять или отвергнуть эту «истину» в зависимости от того, насколько хорошо она служит их целям. А вот вторая «истина», которая должна была объяснить и включать в себя первую, как раз и предполагает, по-вашему, такую свободу. Стало быть, пафос вашего суждения, по-видимому, находится не в ладах с его смыслом». Перед нами классический способ, которым всегда пытались опровергнуть разного рода скептицизм. «Чтобы выразить свою скептическую позицию, — говорят рационалисты, — вам никак не обойтись без догматизма. Выходит, вы всей своей жизнью противоречите собственным убеждениям». Казалось бы, неспособность столь древнего аргумента хоть в малейшей степени поубавить в мире

тотального скепсиса уже должна была породить сомнение и у самих рационалистов: мол, стоит ли думать, что подобные текущие возражения логического порядка в итоге могут оказаться фатальными для живых склонностей духа? А всякий скептицизм и есть живая духовная склонность — склонность к отказу от окончательного вывода» [9: 350].

Джеймс выдвигает контраргумент, заявляя, что несмотря на формулируемое затруднение данное рассуждение никогда не могло умертвить «живых склонностей духа». Это характерный для антиреализма способ ухода от проблемы: как только нужен четкий логический ответ, тут же антиреалист прибегает к метафоре. Как только реалист пытается призвать оппонента к строгости мысли, тот сразу же маскирует свою позицию каким-то подобием поэтического письма.

Наиболее внятные в логическом отношении способами оправдания антиреализма могут выглядеть концепция различения языка и метаязыка А. Тарского и определенное эпистемологическое следствие теории типов Б. Рассела.

С точки зрения концепции различения языка и метаязыка [10: 90–129] неправомерной окажется не позиция антиреализма, в которой утверждается, что истинность каких бы то ни было суждений релятивизируется относительно субъективных/интерсубъективных факторов познания (культурных, лингвистических, психических, биологических и т. д.), а как раз обвинение этой позиции в противоречивости (по типу патнэмовского). Считать высказывание «Все высказывания относительны» самопротиворечивым можно только исходя из ошибочного смешения различных уровней языка. На деле, само это высказывание относится уже не к языку, который в данном случае предстает объектом, о котором что-то говорится, а к метаязыку, и поэтому никакой противоречивости в утверждении антиреалиста нет. Его высказывание «Все высказывания относительны» вполне может быть абсолютным, и это не приводит нас к некоему мыслительному коллапсу, если только мы не забываем всякий раз проводить различия в уровнях языка, что, кстати говоря, для естественного языка А. Тарский считал, практически неосуществимым, обращаясь для проведения данных различий к искусственным языкам.

С помощью теории типов [11] может быть высказана критика и в адрес тех, кто пытается уличить эпистемологические воззрения антиреализма в противоречивости. Подобно тем выводам, которые были сделаны из концепции метаязыка А. Тарского, можно сказать, что формулировка логического затруднения данных антиреалистских воззрений основывается на смешении высказываний разных типов. Высказывание «Все высказывания относительны» попадает в тип более высокого порядка, нежели те высказывания, о которых в нем идет речь. Видимость противоречия возникает из-за неоправданного смешения данных типов.

В отношении концепции метаязыка А. Тарского и теории типов Б. Рассела мы можем высказать следующее возражение. По сути, тео-

рия типов Б. Рассела устанавливает запрет на универсалистский дискурс вообще. Нельзя говорить обо всем сразу, всегда следует помнить, что какое бы то ни было суждение может касаться только ограниченной предметной области. Следовательно, и истинностная оценка этого суждения также не может быть универсальной, она всегда должна релятивизироваться относительно того определенного круга предметов, который охватывается в суждении. Но как быть с самой формулировкой теории типов (этот же вопрос касается и концепции метаязыка)? Относится ли она сама только к определенному типу высказываний, охватывающих определенную, ограниченную предметную область, или все же представляет собой пример высказывания того самого универсального характера, запрет на которые она как раз и пытается установить? Формулируется ли сам принцип различения языка и метаязыка только еще в одном частном языке, по отношению к которому также возможна метапозиция или же здесь используется некий универсальный язык, охватывающий все возможные лингвистические события? Когда Рассел произносит: «Общность классов в мире не может быть классом в том же самом смысле, в котором последние являются классами» [II: 90], разве он не формулирует то свойство, посредством которого можно собрать в некую универсальную общность классов все возможные общности классов, а значит и саму эту общность? Если это так, то сама формулировка теории типов представляет собой использование понятия класса всех классов, с которым она борется. Если это не так, то формулировка теории типов распространяется не на все возможные общности классов, а только на некоторые, допуская возможность существования иных общностей, находящихся в метапозиции по отношению к ней и руководствующихся иным, отличным от теории типов, принципом отношения между классами. В итоге теория типов при попытке использовать ее для обоснования антиреалистских воззрений сама оказывается в логическом тупике.

Споры о реализме

Избежать вышеописанных затруднений способна только реалистская позиция. Когда реалист высказывает суждение: «Всякое суждение должно высказываться с претензией на описание того, что есть», то в данный момент позиционирование самого этого суждения находится в согласии с его собственным содержанием. Данным суждением реалист подтверждает, что всякое суждение должно высказываться с претензией на описание того, что есть. Суждение «Всякое суждение должно высказываться с претензией на описание того, что есть» само претендует на то, чтобы описать соответствующее объективное положение дел, а именно тот факт, что всякое суждение должно высказываться с претензией на описание того, что есть.

Любое теоретическое построение рационалистического дискурса по сути должно заканчиваться реалистским тезисом, обратное немыс-

лимо. Последовательный антиреалист просто останавливает мышление в ситуации абсурда. Мышление, по сути, должно быть мышлением о том, что есть, так же, как и язык может функционировать только тогда, когда существует что-то внелингвистическое. Если допустить полное отсутствие референциальных отношений, то язык перестает быть самим собой, а именно системой знаков, которые что-то означают. Язык превращается в «колебания воздуха», становится мнимым. Любые трактовки истины, будь то прагматическая, когерентистская или даже дефляционистская, отрицающая возможность самого определения данного понятия, сами должны опираться на корреспондентное понимание истины. Только так может быть сформулировано внятное концептуальное построение в принципе. Рациональная философия возможна только как реализм. Важнейшая проблема онтологии, как оказывается, имеет до смешного простое решение: «Онтологический вопрос необычен своей простотой. Его можно сформулировать в трех односложных словах: „Что же есть?“ Более того, ответить можно одним словом: «всё», и каждый сочтет этот ответ истинным» [12: 7].

К несчастью, реализм сильно ослабляет себя, доводя почти до саморазрушения в угоду антиреалистским программам, когда осуществляется попытка продолжить онтологическое исследование и ответить на следующий вопрос: «Что же именно есть?» Здесь начинаются острейшие споры и хаотическое нагромождение теорий, где выстроить какую-либо последовательную иерархию идей оказывается делом очень сложным.

Например, позиция так называемого научного реализма, ориентированного прежде всего на физическую реальность, вряд ли будет принимать тезисы математического реализма, утверждающего объективное существование универсальных сущностей. Реализм, который останавливается на физикализме, можно было бы назвать «умеренным», тогда как для позиции, которая, помимо физической реальности, признает и реальность математическую, можно использовать термин «радикальный реализм». Как эти позиции должны соотноситься между собой? Должны ли мы с позиции умеренного реализма трактовать радикальный реализм как антиреализм? Из текстов Даммита, который посвятил рассмотрению вопросов реализма и антиреализма немало времени и усилий, видно, с каким трудом ему дается обсуждение данной темы [13: 462–478]. Она актуальна для этого оксфордского философа еще и тем, что его главный источник вдохновения — семантическая теория Г. Фреге — как раз оказывается двусмысленным в этом отношении. Трехчленная семантика Фреге всегда трактовалась как пример антиреализма из-за того, что между языком и миром Фреге помещал определенную медиальную абстрактную сущность — смысл языкового выражения, посредством которого мир объективных референтов становится доступным для познающего субъекта. И сам Даммит, в конце концов, расценивает свою позицию как антиреалист-

скую, когда спорит с Дэвидсоном [14: 93–135]. Но общим местом является и совершенно противоположная интерпретация: Фреге по праву называют платоником, ибо он утверждал объективное существование этих абстрактных сущностей, несводимое к субъективным представлениям познающего. И в этом смысле Фреге предстает как реалист, математический реалист.

Естественно, что различные трактовки реализма, вызывающие путаницу в типологизации тех или иных конкретных теоретических построений, подобно вышеуказанному случаю с Фреге, основываются на определенных эпистемологических предпосылках. Одни делают акцент на чувственный опыт, в котором фиксируются объекты физической реальности, другие говорят о существовании особого опыта интеллектуальной интуиции, в котором субъект познания оказывается способным «схватывать» абстрактные сущности в их целостности. Споры между этими различными позициями уже в рамках реализма по-прежнему не утихают.

Основные принципы формального реализма

Теоретическое построение, которое мы именуем формальным реализмом, позволяет оставить в стороне споры среди реалистов по вопросу о том, какого рода сущности имеют место в объективной реальности. Более того, формальный реализм позволяет проигнорировать и самый принципиальный эпистемологический вопрос, который возникает в данном случае: как именно обосновать и описать то, что мы способны выходить за пределы субъективности и соприкасаться с реальностью самой по себе? Для Рорти, как известно, «kozyрная карта» антиреализма состоит как раз в указании на невозможность найти ответ на данный вопрос. Постулирование объективной реальности и возможности ее адекватного познания интерпретируются в прагматизме как некое иррациональное действие, сродни религиозной вере.

В этом отношении позиция формального реализма является, если так можно выразиться, бесцеремонной. Здесь утверждается, что мир существует, что есть все, что есть, и что каким-то образом мы способны на адекватное познание мира. Как в таком случае можно было бы ответить на замечание Рорти об иррационалистическом, религиозном характере данного положения? Только негативно — обратное немислимо. То, что мир есть, и что мы каким-то образом способны фиксировать его таким, каков он есть — основа любого дальнейшего движения мысли вообще. Тот, кто пытается исключить эту фундаментальную предпосылку рациональности, неизбежно приходит к противоречию, сталкиваясь с аргументом от автореферентности по типу патнэмовского.

Формальный реализм оставляет открытыми сложные онтоэпистемологические вопросы о том, какого рода сущности имеются в бытии и с помощью каких средств познавательного аппарата субъекта возмож-

но их адекватное познание. Это не означает, что данные вопросы признаются несущественными. Скорее, исследования по ним откладываются. Формальный реализм предоставляет право рассмотрения этих вопросов дальнейшим конкретным эпистемологическим разработкам.

В чем же тогда можно усмотреть эвристичность позиции формального реализма для онтологии и эпистемологии? Ответ должен быть таким: в противостоянии антиреализму. Формальный реализм, если воспользоваться метафорой, есть исследование и расчистка местности перед проведением строительных работ. Это вынесение вердикта о том, на какой почве, на каком основании может быть построено здание рационалистической философии.

Формальный реализм не отрицает ситуаций плюрализма, наличие конвенций, действий, руководствующихся прагматическим выбором, т. е. всего того, в чем антиреализм усматривает основные черты человеческой культуры. Формальный реализм не отрицает того факта, что достижение объективной истины и необходимого знания — задача не из легких (а во всей полноте и во всем многообразии опыта, скорее всего, вообще не выполнимая). Формальный реализм выступает против лишь наиболее радикального антиреалистского тезиса, в соответствии с которым мы должны отказаться от самого идеала объективной истины как регулятивного принципа познания, ибо этот отказ останавливает рациональную деятельность как таковую: «То, что мы не можем достигнуть этого идеала на практике, не является парадоксальным; никогда и не предполагалось, что мы действительно можем достичь его на практике. Однако то, что возникают *принципиальные трудности с самим идеалом*, т. е. что мы не можем больше представить, что значит достижение этого идеала, этот факт оказывается для нас, таких как мы есть, наиболее глубоким парадоксом» [5: 482].

Формальный реализм в действии

Несмотря на предельно абстрактный уровень основных тезисов система формального реализма может быть использована для решения конкретных эпистемологических задач, для вынесения оценки корректности тех или иных конкретных эпистемологических построений.

Например, с точки зрения формального реализма может быть представлено новое решение проблемы следования правилу — одной из широко обсуждаемых тем в аналитической философии последних десятилетий. Эта проблема, сформулированная еще Витгенштейном [6: 75–319], заключается в следующем. Если мы признаем, что значение языкового выражения должно заключать в себе правило его употребления для неограниченных случаев коммуникативных ситуаций, а затем, согласившись с доводами скептического рассуждения, установим, что какое-либо конкретное употребление выражения подпадает как минимум под два правила, то нам придется сделать неутешительный скеп-

тический вывод, что мы не знаем значений тех языковых выражений, которые употребляем в своей речи.

С. Крипке [15] предположил (а именно его интерпретация витгенштейновской проблемы оказалась наиболее известной и обсуждаемой в литературе), что существует только два возможных варианта решения проблемы следования правилу: прямое и скептическое. В соответствии с прямым решением, мы должны опровергнуть аргументацию скептика и показать, что ресурсы нашего познавательного аппарата достаточны для того, чтобы однозначно фиксировать определенное, единственное в своем роде правило, в соответствии с которым осуществляется употребление языкового выражения в той или иной коммуникативной ситуации. Если же этого сделать нам не удастся (а Крипке уверен, что прямой ответ скептику невозможен), то мы должны обратиться к скептическому решению. Суть скептического решения состоит в том, что мы пересматриваем сам принцип функционирования языка. Утверждается, что слова языка не предназначены для того, чтобы указывать на вещи, чтобы репрезентировать мир. Язык нужен лишь для обеспечения коммуникации между субъектами в процессе совместной деятельности, которая вообще не нуждается в отсылке к реальным референтам. Успешное функционирование языка возможно без четкой фиксации значений языковых выражений. Для нужд практической жизни нам достаточно лишь иллюзии значения, которую генерирует лингвистическое сообщество в регулярных практиках коммуникации. Таким образом, проблема перестает быть проблемой, она разрешается не прямым, а косвенным образом. Аргументация скептика признается верной, но она больше не приводит нас, как утверждают проponentы скептического решения, к какому-либо эпистемическому коллапсу.

Однако, следуя принципам формального реализма, мы можем поставить под сомнение саму жесткую альтернативу, введенную Крипке: либо прямое, либо скептическое решение. Формальный реализм говорит о том, что существует третье решение проблемы следования правилу, которое можно было бы назвать умеренным. Суть умеренного решения сводится к следующему. Даже несмотря на то, что мы не обладаем достаточными эпистемическими ресурсами, чтобы представить полное прямое решение проблемы, мы можем с уверенностью заявить, что скептическое решение не верно. Подводя аргументацию скептика под более общие положения антиреализма, а затем применяя к антиреалисту аргумент от автореферентности патнэмовского типа, мы демонстрируем логическую противоречивость и эпистемологическую несостоятельность скептического решения.

Умеренное решение носит, по большей части, негативный характер. Оно нацелено на критику скептического решения проблемы следования правилу как на одно из наиболее радикальных проявлений эпистемологического скептицизма и антиреализма в современной философии. Вместе с тем критика подобного рода в качестве следствия имеет

и позитивное содержание. Умеренное решение выступает обоснованием необходимости дальнейших эпистемологических исследований, руководствующихся реалистскими принципами познания, настаивает на продолжении поисков прямого решения проблемы.

Таким образом, умеренное решение проблемы следования правилу представляет собой демонстрацию эффективности использования системы формального реализма для рассмотрения конкретных эпистемологических вопросов.

Литература

- Rorty R.* Is Truth A Goal of Enquiry? Davidson Vs. Wright // *The Philosophical Quarterly*. 1995. Vol. 45. No. 180, Jul..
- Dummitt M.* Wittgenstein's Philosophy of Mathematics // *Dummitt M.* Truth and Other Enigmas. – London: Routledge, 1978.
- Патнэм Х.* Разум, истина и история. – М.: Праксис, 2002.
- Макеева Л. Б.* Философия Х. Патнэма. – М.: ИФРАН, 1996.
- Патнэм Х.* Реализм с человеческим лицом // *Аналитическая философия: становление и развитие.* – М.: ДИК, 1998.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994.
- Wittgenstein L.* Zettel. – Oxford: Blackwell, 1967.
- Dummitt M.* The Logical Basis of Metaphysics. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1991.
- Джеймс У.* Прагматистский взгляд на истину и его неверные толкования. // *Джеймс У.* Воля к вере. – М.: Республика, 1997.
- Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // *Аналитическая философия: становление и развитие (антология).* – М., 1998.
- Рассел Б.* Философия логического атомизма. – Томск: Водолей, 1999.
- Куайн У. В. О.* О том, что есть // *Куайн У. В. О.* С точки зрения логики. – Томск: Изд-во Томского университета, 2003.
- Dummitt M.* Realism and Anti-Realism // *Dummitt M.* The Seas of Language. – Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Даммит М.* Что такое теория значения? // *Логика, онтология, язык.* – Томск: Изд-во Томского университета, 2006.
- Крипке С. А.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. – Томск: Изд-во Томского университета, 2005.